

ПЕРЕПИСКА РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ
О ПОЗИЦИИ ГРЕЦИИ И РОССИИ НАКАНУНЕ
ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ

© 2019 г. О.В. Соколовская

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Института славяноведения РАН

E-mail: elolga@mail.ru

Статья посвящена позиции российской дипломатии в отношении политики Греции накануне первой Балканской войны: цели и подготовка к войне, критский вопрос, Проливы. Использована дипломатическая переписка посланников в Греции с МИД России из российских архивов.

The article is devoted to the position of Russian diplomacy regarding the policy of Greece on the eve of the First Balkan War, such as goals of the war and preparations for it, The Cretan question, the Straits question and so forth. For this research purpose diplomatic correspondence of the Russian envoys in Greece with the Ministry of Foreign Affairs from the Russian archives was used.

Ключевые слова: Российская дипломатия, Греция и Крит, канун первой Балканской войны.

Keywords: Russian diplomacy, Greece and Crete, the eve of the First Balkan War.

DOI: 10.31857/S0869544X0006140-7

Наиважнейшим этапом всей современной греческой истории стали Балканские войны 1912–1913 гг., которые по значимости можно сравнить лишь с национальной войной 1821–1829 гг., в результате которой было создано первое независимое государство на Балканах – Греция. Первая балканская война, начавшаяся 25 сентября (8 октября) 1912 г. с выступления Черногории, произошла между Балканским союзом (в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории) и Турцией и окончилась – 17(30) мая 1913 г. полным поражением Турции, которая по Лондонскому мирному договору потеряла все свои европейские владения, кроме небольшой части Восточной Фракии.

Российская дипломатия хотела использовать Балканский союз против растущего влияния на Балканах Германии и Австро-Венгрии. Англия и Франция, поддерживая блок, также рассматривали его как нового союзника против Германии. Эти великие державы старались не допустить преждевременного выступления

«Балканской Антанты» против Турции, но балканские страны все более выходили из-под их жесткого контроля.

Канун Балканских войн был чрезвычайно богат на политические интриги и даже тайны со стороны балканских руководителей, что огорчало и волновало все великие державы — Австро-Венгрию, Англию, Германию, Италию, Францию и, конечно, Россию, которая традиционно покровительствовала единоверным балканским государствам. Интереснейшие события кануна Балканских войн все еще слабо отражены в исторической литературе, особенно это касается российско-греческих отношений [1]. В данной статье, основанной на опубликованных и архивных документах из АВПРИ, ГАРФ и РГА ВМФ, делается попытка частично восполнить этот пробел. Особый интерес для данной темы представляют депеши, письма и телеграммы российских посланников в Афинах С.Н. Свербеева и Е.П. Демидова, поверенного в делах князя С.П. Урусова, а также некоторые дипломатические телеграммы посланникам из МИД России.

В начале XX в. балканские страны сумели извлечь большую пользу от вовлеченности империй в свои внутренние дела в связи с растущим революционным движением в них. Итало-турецкая война 1911—1912 гг. также послужила катализатором, выведшим внутреннюю и внешнюю политику Османской империи из состояния неустойчивого равновесия. Провал турецкой армии в войне с Италией вызвал политический кризис в Турции: младотурецкое правительство было свергнуто, а в национальных регионах начались выступления угнетенных народов против османского ига. Наиболее значительными были восстания в Македонии, а Албания летом 1912 г. провозгласила свою независимость. Ответ Турции потряс всю Европу: в результате резни мирного населения, устроенной турецкими властями, погибло более 50 тыс. человек. После этих событий Болгария, Сербия и Черногория, а затем и Греция провели мобилизацию своих армий.

Умело используя ослабление Российской империи в связи с поражением в русско-японской войне 1904—1905 гг. и событиями Первой русской революции 1905—1907 гг., греки стали вести более независимую политику. На Балканах возник процесс сближения народов с целью пересмотра результатов Берлинского конгресса 1878 г. и отмены принципа *status-quo*. Тесные политические контакты между лидерами балканских стран способствовали подписанию документов о военном сотрудничестве, были мобилизованы ресурсы и созданы боеспособные вооруженные силы. Большую роль в создании союза балканских монархий сыграл выдающийся греческий политический деятель, премьер-министр Э. Венизелос, который совместно с королем Георгом I [2. Л. 132] провел модернизацию страны в кратчайшие сроки и сумел стать во главе процесса по сближению балканских государств — Сербии, Черногории, Болгарии и Греции. В мае 1912 г. Греция и Болгария подписали договор о сотрудничестве, в сентябре Сербия и Болгария заключили военный союз против Турции, после чего к нему присоединилась Греция; Черногория была связана союзными отношениями с Сербией. При этом территориальные претензии сторон были искусно обойдены молчанием [3. С. 429—430]. В советской литературе бытует мнение, что Россия после многих сомнений поддержала балканских лидеров в стремлении к союзу [4. С. 65—68], хотя об истинных целях могла только догадываться.

Важнейшей целью греков в предстоящей войне с турками был, естественно, Крит. После ухода европейских сил с острова в 1909 г. там царил анархия и революционные настроения критян, требовавшие немедленного присоединения к Греции и посылке в афинский парламент своих шестидесяти депутатов. Премьер и король едва сдерживали их натиск, боясь жесткой реакции Турции и держав-покровительниц. Зимой 1912 г. с этой целью Венизелос даже поднял в Англии вопрос

о восстановления на Крите должности верховного комиссара великих держав [5]. Российский посланник в Афинах С.Н. Свербеев также телеграфировал в МИД России, что «настоящее положение на Крите, где не имеется ни законного, ни вообще организованного правительства, представляется опасным не только по мнению афинского кабинета, но также и нашего представителя на острове ст. с. Шебуни-на», считающего это положение, «граничащим с анархией» [2. Л. 37]. Английское правительство во главе с сэром Эдуардом Греем полностью разделяло идею Венизелоса о восстановлении на время должности верховного комиссара держав и потребовало быстрого решения великими державами вопроса о сохранении status-quo на острове. Причем оно предлагало сделать это, как сообщал английский посланник в Афинах российскому, даже путем занятия острова вновь военно-морскими силами великих держав-покровительниц. Однако российское правительство не собиралось поддерживать предложение Англии о высадке шеститысячного морского десанта на Крите, т.е. о военном вмешательстве. Свербеев полагал, что «прибегнуть к вооруженной силе и кровопролитию — значило бы подорвать обаяние нашего правительства» [2. Л. 38]. При этом Россия, как и другие державы, была уверена, что ни в коем случае нельзя допускать критских представителей в афинский парламент, открытие которого было назначено на 1(14) октября 1912 г. Это грозило ухудшением отношений с Портой, ослаблением позиции самого премьера Греции — Венизелоса, у которого была довольно жесткая оппозиция (она вела агитацию среди критян, живущих в Афинах, стремясь вызвать вооруженные выступления). На одной из встреч с С.Н. Свербеевым еще в конце марта 2012 г. Э. Венизелос выразил надежду на «благоволение держав-покровительниц» в укреплении того порядка, который был установлен на острове к этому времени и улучшил греко-турецкие отношения. Венизелос, готовясь к войне, усыплял великие державы, в том числе российские власти, говоря о необходимости «эры спокойствия, которая бы позволила Греции и Криту в течение нескольких лет [...] посвятить свои силы и энергию на дело внутреннего устройства» [2. Л. 34об.].

Разногласия в среде критских либералов, не все из которых понимали замысел Венизелоса, зашли столь далеко, что наиболее рьяные все-таки появились в Афинах на состоявшемся 19 мая (1 июня) открытии парламентской сессии, но были арестованы (в спешке Венизелос успел согласовать это лишь с английским посланником сэром Френсисом Эллиотом). Критяне говорили российскому посланнику, что положение на Крите «никогда еще не было столь серьезным, как теперь и, если державы-покровительницы не найдут возможность освободить критских депутатов из-под ареста и оказать тем свою мощную поддержку, дело может легко дойти до той кровавой развязки», о которой турки только и мечтают [2. Л. 53].

После итало-турецкой войны на повестку были поставлены и другие важнейшие вопросы: о позиции греков в Эпире и передаче Греции Эгейских островов, что, по мнению Свербеева, было почти решенным вопросом, учитывая настроения на самих островах и позицию Европы [2. Л. 61об.].

В середине августа новым чрезвычайным посланником и полномочным министром в Греции был назначен советник посольства в Париже Елим Павлович Демидов, егермейстер двора, хорошо известный греческой королеве Ольге и всему греческому двору человек. Несмотря на отсутствие короля Георга I в Афинах, Демидов вручил 5(23) августа верительной грамоты регенту королевства и активно включился в работу, постоянно встречаясь с ведущими политиками Греции и ее руководителями.

В первом же письме в МИД от 25 августа (7 сентября) Е.П. Демидов делился с министром С.Д. Сазоновым своими свежими впечатлениями от десятидневного пребывания в Афинах, а также от визита к премьер-министру Греции Э. Венизелосу

и министру иностранных дел Ламбросу Коромиласу (30. 08. 1912—28. 08. 1913). Если с Венизелосом беседа носила поверхностный характер, то с Л. Коромиласом в двухчасовом разговоре были затронуты все болевые точки. Прежде всего, критская проблема, особенно в связи с открытием афинского парламента, которое должно было состояться в начале октября, куда рвались критские депутаты, несмотря на призывы со стороны Венизелоса и других политиков не делать этого [2. Л. 136—140об.]. В начале сентября в российской миссии в Афинах состоялась встреча российского и итальянского посланников, а также поверенных в делах Англии, Франции и России с греческим премьером Э. Венизелосом, обсудивших доводы Венизелоса о необходимости восстановления спокойствия на острове Крит и способы не допустить критских депутатов в здание афинской палаты в октябре. Единственным выходом их кризиса на Крите Венизелос по-прежнему считал временное назначение греческим королем по соглашению с державами верховного комиссара держав с поручением распустить теперешнее революционное собрание и подготовить выборы в новую палату. Назначение комиссара на Крит должно было установить утерянную на время связь между Афинами и Критом, упрочить положение королевского правительства и устоять перед критской революционной волной, которая грозила ухудшением положения христиан в Османской империи. Турция поддерживала идею восстановления должности комиссара на Крите, рассчитывая, что таким образом прекратится провозглашенное критянами присоединение острова к Греции. После формирования нового законного правительства комиссар, сложив полномочия, должен был по замыслу Венизелоса вернуться в Афины. Король Георг I был полностью солидарен с премьер-министром: необходимо, чтобы назначение комиссара совпало по времени «с открытием афинской палаты или сейчас же после него, а не теперь же, чтобы критяне не подумали, что это служит лишь мерой к недопущению» их в афинский парламент [6. С. 224]. Временно поверенный в делах в Афинах князь Сергей Павлович Урусов сообщал также в МИД России, что назначение верховного комиссара предупредило бы министерский кризис в Греции и дало возможность начать греко-турецкие переговоры по Криту. Турция, по его мнению, не будет сопротивляться назначению комиссара, что как бы отменяло постановление критского революционного собрания от 1908 г. о присоединении острова к королевству. Урусов разделял беспокойство западных коллег о приближении серьезных событий и уменьшении надежды на скорое разрешение критского вопроса [6. С. 224].

Неизвестно, кем была предложена кандидатура принца Андрея Греческого на пост комиссара держав, но не исключено, что это была инициатива его матери, греческой королевы Ольги, которая в это время гостила в России и часто виделась с императором, ее племянником. Узнав об этом 5(18) сентября 1912 г. Урусов срочно телеграфировал в МИД С.Д. Сазонову, что по мнению Венизелоса, кандидатура принца Андрея на пост верховного комиссара, которую собирались поддержать в Петербурге, неприемлема как для греческого правительства, так и для критян, и что это вызвало бы немедленную отставку Венизелоса [2. Л. 132—134.].

Англия, более всего заботясь о сохранении верховных прав султана, вновь требовала радикальных мер: Э. Грей предложил, чтобы державы-покровительницы Крита категорически предупредили афинский кабинет, что, если критяне осуществят свое намерение и займут в палате депутатов места, державы тотчас же снова приступят к занятию острова шеститысячным десантом. Франция, поместившая в разные предприятия на Балканах значительные капиталы, поддерживала идею назначения нового комиссара Крита и не возражала против английского предложения о высадке десанта. С.Д. Сазонов телеграфировал из Парижа временно управляющему МИД А.А. Нератову: «Согласен на это предложение, если Франция на него

также согласится» [6. С. 276]. Однако Нератов ответил (также телеграммой), что, несмотря на готовность Франции и Италии (после прекращения военных действий) к такой мере, России это было бы чрезвычайно неудобно, поскольку в случае посылки десанта на Крит пришлось бы испрашивать разрешения Турции о проходе кораблей через Проливы. Водворение комиссара было бы целесообразнее [6. С. 304]. Стремясь, как всегда, к солидарности с другими державами-покровительницами Крита, Россия все же считала «нежелательным посылку» наших военно-морских десантов для оккупации острова [6. С. 432]. Дело с назначением комиссара затягивалось, и ситуация накалялась.

Возвращение Е.П. Демидова в Афины почти совпало с объявлением греческим правительством 17(30) сентября 1912 г. всеобщей мобилизации. Греция имела на тот момент 200-тысячную армию и три дредноута (затем был куплен еще один). Генеральный консул на Крите А.Ф. Шебунин сообщал А.А. Нератову 19 сентября (2 октября) 1912 г., что по имеющимся сведениям «критское правительство вследствие полученных из Греции сообщений приступило к спешным военным приготовлениям». Генеральным консулам, приглашенным в Совет, члены критского правительства заявили: афинский кабинет телеграфировал им об объявлении в Греции мобилизации, поэтому на Крите также подготовлен декрет о мобилизации резервистов всех пяти призывов, а в случае войны Греции с Турцией критское правительство решило принять в ней официальное участие, которое выразится в отправке в распоряжение королевства всей милиции и ее резервистов с полным вооружением и военными припасами. Они не скрыли, что принято решение о снабжении оружием и одеждой отрядов и единичных добровольцев, отъезду которых будет оказываться всякое содействие. На замечания представителей держав о незаконности таких действий они отвечали, что до начала войны Греции с Турцией они никого не будут отправлять с острова. А.Ф. Шебунин полагал, что такому всеобщему порыву критян может противостоять только очень большое число судов, но сопротивление критян будет отчаянным. Английское правительство, несмотря ни на что, настаивало на отправке на Крит военных судов для блокады острова великими державами [6. С. 339].

2(19) октября С.П. Урусов сообщал в Петербург: Венизелос предупреждает, что если верховный комиссар назначен не будет, его «правительство сочтет себя свободным от обязательств» [6. С. 338]. Приготовления к войне с Турцией велись балканскими государствами тайно, но что могло быть тайным на Балканах, где за этими приготовлениями наблюдали десятки глаз — дипломатов и военных агентов. Россия убеждала балканских руководителей, готовых к вооруженной борьбе, проявлять благоразумие и терпение. С первых же встреч российский посланник в Афинах уловил явное недоверие балканских дипломатов к позиции России, особенно в отношении болгаро-греческого соглашения. Здесьшний болгарский посланник, вслед за греческим, ни словом не обмолвился о заключенном между Болгарией и Грецией оборонительном союзе, сославшись на полную неосведомленность. Это свидетельствовало «о несколько более самостоятельном образе действий» балканских стран [2. Л. 137, 139, 139об.].

Российский посланник в Софии Анатолий Васильевич Неклюдов (1911–1914) в телеграмме в МИД России подчеркивал, что «хлопоча» о Балканском союзе, Россия «имела в виду мирную солидарность балканских государств, которая явилась бы подспорьем нашей вековой, благожелательной к ним политики, а не наоборот», что «война не отвечает российским интересам, [...] что болгары не могут рассчитывать на какое-либо содействие России, если начнут войну вопреки нашим категорическим советам» [6. С. 208–209].

Такое же предупреждение за несколько дней до начала войны получила и Греция. Поверенный в делах в Афинах Урусов говорил министру иностранных дел Греции Л. Коромиласу, что несмотря на то, что Россия питает к его стране лучшие чувства, Греция никоим образом не может, как и прочие балканские королевства, «рассчитывать в предпринятом ими выступлении на помощь России, которая все время надеялась добиться от Порты мирным путем проведения необходимых для христианских подданных Турции реформ». Коромилас отвечал, что «мирное сожительство и мирное сотрудничество христиан и мусульман в Турции немыслимо» [2. Л. 150об.; 6. С. 346]. Другие великие державы, также беспокоясь о возможности возникновения войны на Балканах, поддержали обращение России и Австро-Венгрии к балканским государствам, в котором они еще раз попытались удержать их от решительных действий, обещая заставить Турцию провести до конца все реформы, в том числе в Македонии. Даже Германия заявила, что нужна полная солидарность всех великих держав без всякого деления на группы [6. С. 355]. Демидов сомневался, что заявление России и других держав может остановить Грецию [2. Л. 155].

В середине сентября Урусов передал из Афин А.А. Нератову, что «обострившееся за последние недели положение дел на Балканском полуострове несомненно отразилось и на ходе военных приготовлений Греции. Несмотря на тщательно соблюдаемую всеми — и в том числе прессой — тайну и отсутствие каких бы то ни было точных сведений, кое-что выплывает, однако, наружу. Так, например, до сведения моего дошло, что в Фессалии приступили к частичной мобилизации и, что в церквах названной провинции читались списки призываемых на службу запасных. С другой стороны, здешний турецкий военный агент сообщил мне, что на северную границу постоянно отправляются поезда с военными припасами и что недавно туда же переведено несколько батарей» [6. С. 282]. Российский посол в Константинополе М.Н. Гирс передал А.А. Нератову, что Porta убеждена, что Греция спешно и тайно готовится к войне. «Пушки, военные снаряды и провизия ежедневно доставляются в города и стратегические пункты, лежащие близ турецко-греческой границы. Вследствие сего великий визирь поручил военному министру немедленно укрепить необходимые стратегические пункты, дабы не быть застигнутым врасплох» [6. С. 300]. Дипломатия великих держав пыталась образумить греков и другие народы Балкан и отговорить их от военных действий. В балканских столицах русские дипломаты постоянно напоминали, что Турция имеет готовую к отпору армию, которая снабжена всем необходимым. Но ответы балканских лидеров звучали уклончиво.

Демидов убеждал Коромиласа в том, что неверие балканских государств в мощь военных сил Турции является ошибочным. Кроме того, он указывал на чрезмерные для Греции расходы на войну — 350 тыс. драхм в день... Л. Коромилас, выслушав Демидова, ответил, что «хотя он осознает искренность, благожелательность наших увещеваний, и, понимая всю возложенную на него ответственность», считает, что невозможно далее довольствоваться обещаниями турок». Министр подчеркнул, что последние европейские события все более показывают «шаткость европейского единодушия». Турция приступит лишь к поверхностным реформам, — продолжал Коромилас, — но как только произойдет новый разлад великих держав или соперничество в Константинополе все благие начинания опять будут забыты, а «положение народностей будет еще хуже [...] Поэтому, — заключал он, — Греции надлежит воспользоваться исключительно теперешним благоприятным течением обстоятельств и сплоченностью балканских государств, дабы общими их усилиями добиться осуществления реформ». Демидов считал, что дело зашло так далеко, что правительство уже не сможет отступить [6. С. 346].

Сложившаяся обстановка в очередной раз грозила громадными убытками для российских кредитных учреждений и торговли. 21 сентября (4 октября) российские биржевые комитеты обратились к правительству с жалобой на задержание Турцией греческих и болгарских пароходов, нагруженных хлебом, предназначенных в порты европейских государств, не участвовавших в нынешних осложнениях, а также судов, идущих в Россию через Проливы. А.А. Нератов предписал М.Н. Гирсу заявить о недопустимости таких действий, подчеркнув, что таким образом сама Порта берет на себя ответственность за враждебные действия Греции и Болгарии [6. С. 355–356].

4(17) октября Е.П. Демидов получил аудиенцию у греческого короля Георга I, который накануне прибыл из очередного турне по европейским столицам. Сказав несколько «милостивых слов», король быстро перешел к «жгучим политическим вопросам». В разговоре, как писал посланник, «король не пощадил великих держав» за их недоброжелательство и бездействие, которому он приписывал «настоящее острое положение на Балканах». Особенно он упрекал правительство сэра Эдуарда Грея, который в разрез с английским общественным мнением, задумал помешать Греции и другим державам осуществить их план, а критянам — принять участие в военных действиях. Георг I высказал полную уверенность, что Россия «заступится за погрязшие права балканских христианских народностей». Король сообщил, что император Вильгельм, свалив всю вину на Англию, и император Франц-Иосиф предоставили ему свободу действий. В Австро-Венгрии ставили лишь одно условие, чтобы она не была вовлечена в войну [6. С. 488].

Удивительно, что до начала Первой балканской войны в МИДе России все еще не знали, на каких условиях Балканский союз готовится к войне с Турцией, и министр С.Д. Сазонов просил Демидова «строго доверительным путем» постараться выяснить в Афинах, «на каких условиях Греция примкнула к балканским государствам», для того, чтобы «примирить их разумно понятые интересы с условиями общеполитической обстановки» [6. С. 489]. Но ведь считается, что за созданием Балканского союза стояла именно Россия, или это очередной миф? Отвечая на просьбу С.Д. Сазонова, Демидов писал: «К сожалению, задача эта представляется нелегкой, и те скудные и отрывочные сведения, которые мне пока удалось получить, едва ли в состоянии осветить наш путь к будущему согласованию общеевропейских интересов с частнобалканскими». Демидов полагал, что державам придется в конце концов вмешаться в предстоящую войну и «до некоторой степени принять во внимание умеренные требования балканских государств», о которых он, впрочем, сам был мало осведомлен и мог лишь догадываться. При этом посланник справедливо указывал, что «требования эти будут непомерно расти с удачным ходом военных действий», хотя в настоящее время «общим лозунгом является освобождение христианских братьев от турецкого гонения». Более того, Демидов был почти уверен, что «все они мечтают о соответствующих территориальных приобретениях на основании этнического подразделения округов» [6. С. 490]. Совсем недавно Венизелос уверял российского посланника, что, если державы найдут общее согласие и настоят на проведении настоящих реформ, Греция готова будет даже оттянуть войска от границы. Л. Коромилас был более откровенен и говорил Демидову об интересах балканских государств в Македонии и согласии оставить Турции лишь кусок в Европе. Демидова поражало «постоянное пренебрежение к воле держав и полное игнорирование общеевропейских условий». «При таких взглядах трудно надеяться на греческую умеренность», — заключил Демидов. Но посланник совершенно не верил в возможность победы балканских государств в войне с Турцией. Он ошибался, говоря о том, что Венизелос и греки «льстят себя трудно осуществимыми надеждами». А ведь премьер-министр не раз говорил ему «о сплоченности балканских государств перед общим врагом», о том, что они уже представляют

нравственную и материальную силу. Он выражал уверенность, что «Россия всегда заступится против других держав за единоверную Грецию и в будущем станет верховной покровительницей не только славянства, но и всего православия». Конечно, он льстил! Венизелос конфиденциально сообщил Демидову, что между союзными балканскими государствами пока лишь общим образом затронут вопрос о разграничении областей, и, что «никакого подробного по этому вопросу сговора еще не состоялось». «В худшем случае он надеялся на присоединение Крита и на значительное исправление эпирской границы, помимо строгих гарантий осуществления реформ в Европейской Турции», — передавал Е.П. Демидов. Посланник запоздало советовал российскому МИДу согласовать действия великих держав после первых же военных выступлений против Турции, чтобы «положить конец этому бесполезному кровопролитию». Кроме того, Демидов беспокоился о том, что при военных успехах балканские державы «не будут знать пределов» [6. С. 490].

Первой начала военные действия 25 сентября (8 октября) Черногория. Накануне российский и австрийский посланники были приняты королем Черногории Николой Негошем, который выслушав текст обращения держав сказал: «Я сожалею, что вмешательство держав несколько запоздало. Вот уже два месяца, как была вручена нота черногорского правительства, в которой оно ходатайствовало об этом вмешательстве: Европа молчала, и я считал, что обо мне забыли. Турция причинила нам столько обид в течение 34 лет и в особенности за эти последние годы. Турецкие войска заняли нашу территорию и укрепились на ней. Я протестовал несколько раз, но это был глас вопиющего в пустыне» [6. С. 402]. Через десять дней Болгария, Греция и Сербия присоединились к Черногории. На самом деле все еще мощная турецкая военная машина оказалась слабее совместных сил балканских держав. Турция могла выставить около 400 тыс. чел., а балканские силы превосходили их (Болгария имела свыше 600 тыс., Сербия — свыше 400 тыс., Греция — 210 тыс. чел.). Есть и другие цифры: Болгария — 300 тыс., чел., Греция — 150 тыс., Черногория — 22 тыс., Сербия — 160 тыс. человек; всего — 632 тыс. [7. С. 476; 8. С. 131–147].

Реакция российской дипломатии и ведущих политиков была почти единодушной: нужно оказать помощь, но избежать участия в конфликте. Российский посланник в Афинах Е.П. Демидов назвал первую Балканскую войну «каким-то несовременным крестовым походом против неверных». Он воздавал должное «удивительному чувству солидарности и патриотизма», проявленному греками в этой войне. Со всех концов земного шара — из Египта, Судана и даже из Трансвааля и США в Афины ежедневно прибывало множество греков-добровольцев, «покинувших свои занятия и заработок для защиты отечества» [2. Л. 215]. По его мнению, Европе придется считаться «с таким убежденным всеобщим подъемом» и было бы «крупною ошибкой игнорировать его чувственную силу или умалять его значение»; а лучше — «направить в нужную колею» [2. Л. 215об.].

Как сообщал М.Н. Гирс, 25 сентября (8 октября) начался перевоз морем анатолийских войск в Европейскую Турцию, что «несомненно усилит нашу возможность производить давление на Порту при восстановлении мира на Балканах» [6. С. 401]. В тот же день посол протестовал против задержания греческих судов, нагруженных российским хлебом. Порты обещала возместить убытки, но биржевые комитеты России настойчиво обращались с просьбой к министру финансов В.Н. Коковцову об освобождении задержанных Портой греческих судов, обещая до окончания конфликта не отправлять хлеб на судах под греческим флагом. А.А. Нератов сообщил М.Н. Гирсу в телеграмме: «Нам грозят огромные убытки, происходящие из того, что на греческих судах идет три четверти экспорта нашего хлеба» [6. С. 401].

26 сентября (9 октября) Е.П. Демидов писал в МИД С.Д. Сазонову: «К сожалению, никакие дружественные советы, благоразумные доводы, ни строго логичные аргументации на Коромиласа [...] не действуют. Он всецело поглощен мыслью о войне, и первый ее приветствует в душе, невзирая ни на опасности для Греции от подобной авантюры, ни на ее бесполезность в случае даже успехов греческого оружия». «Указывая министру на достигнутое полное единогласие держав и на твердое их намерение добиться от Порты осуществления реформ в духе 23-й статьи Берлинского трактата, я, вместе с тем, попытался убедить его в том, что раз Греция стремится не к каким-то территориальным приобретениям, а лишь к действительному проведению реформ, то таковые достигнуты будут несравненно вернее коллективным решительным воздействием держав на Порту [...], нежели путем вооруженного конфликта» [6. С. 406].

Демидов телеграфировал в МИД, что Греции следует еще раз указать, что ни на какую поддержку со стороны России в условиях военных действий против Турции она рассчитывать не должна, а грекам он запоздало говорил, что стоит хотя бы подождать переговоров великих держав с Портой о реформах. С.Д. Сазонов в тот же день телеграфировал российскому послу в Париже А.П. Извольскому, что Сербия в ближайшее время также решила начать военные действия против турок и что решимость балканских государств «едва ли оставляет какую-либо надежду на возможность предотвращения войны». Поэтому Сазонов справедливо считал совершенно неуместным великим державам хлопотать о реформах в условиях начала военных действий Черногории, вступившей в войну, и готовности других балканских стран со дня на день также начать военные действия [6. С. 406].

27 сентября (10 октября) 1912 г. временно управляющий МИД России А.А. Нератов телеграфировал М.Н. Гирсу в Константинополь, что Россия не считает возможным отказать славянским государствам, в случае их обращения, в защите их интересов в случае начала военных действий, тоже — и Греции. В тот же день он телеграфировал Е. Демидову: «Возможно ожидать, что греческое правительство обратится к нам в случае войны с просьбой принять на себя защиту в Турции ее интересов. Ввиду того, что наше посольство и консулы будут перегружены делами, [...] желательно, чтобы греки обратились с такой же просьбой к Франции и Англии» [6. С. 412]. Речь шла о совместных с другими великими державами действиях.

30 сентября (13 октября) Венизелос заявил Демидову (в ответ на укор, что поспешность лишает державы возможности согласованных действий в Константинополе), что они не намерены выжидать завершения турецких приготовлений к войне. Он лишь обещал, что декрет о присоединении Крита к Греции не последует ранее объявления войны [6. С. 444]. Сразу после начала военных действий Черногории против Турции Шебунин сообщил с Крита, что четыре английских крейсера (из них два броненосных) прибыли в Суду с заданием следить, чтобы Крит соблюдал строгий нейтралитет» [6. С. 432]. Греция, надеясь на помощь России, имела в критском вопросе также поддержку со стороны балканских государств [2. Л. 190—191об.].

1(14) октября 1912 г. открылась осенняя сессия греческого парламента. В связи с серьезностью момента и ожидаемых заявлений председателя Совета министров Э. Венизелоса все трибуны в парламенте были переполнены; перед парламентом собралась огромная толпа, а у входа по обеим сторонам были расставлены солдаты. Прибыли на заседание и были допущены в зал 60 критских депутатов, которые выделялись своими темно-синими национальными костюмами. Венизелос благо разумно приветствовал критских представителей как гостей. Однако он произнес историческую фразу о том, что «отныне существует один лишь парламент для Греции и для Крита» [6. С. 451]. Палата рукоплескала. Венизелос предложил критским

депутатам вернуться на остров и приступить к новым выборам уже по греческим законам. Демидов остроумно заметил: «Подобное “переходное решение” представляется мне весьма близким к окончательному» [2. Л. 175].

Речь Венизелоса на открытии сессии афинского парламента вызвала в Европе шок. Таким образом, писал Демидов, трехлетний революционный режим острова сменяется, с точки зрения греков, законным греческим управлением, хотя и не одобренным державами-покровительницами. «Окончательно же решение о судьбе Крита, т.е. о его присоединении к Греции, — писал Демидов, — воспоследует в зависимости от успехов греческого оружия» [6. С. 489—490]. Е.П. Демидов 4(17) октября 1912 г. сказал министру Коромиласу, что усматривает в этом «некоторое пренебрежительное отношение к державам-покровительницам», на что министр ответил, что не сомневается в благорасположении России и надеется на содействие императорского правительства, чтобы склонить Англию к принятию нового положения вещей на Крите. В тот же день российское правительство в ответ на английскую ноту в отношении блокады острова, уведомило посольство его британского величества в Афинах, что российскому генеральному консулу в Канеи посланы по телеграфу инструкции дать распоряжение останавливать все суда, направляющиеся в какой-либо порт Крита и разрешить им доступ к этим портам, взяв с капитана судна обязательство, что он не примет на борт критских милиционеров, которые стремились в Грецию для участия в войне. Однако, принимая во внимание тесную связь, существующую между Грецией и Критом, императорское правительство считает своим долгом обратить внимание британского правительства на неудобство полного запрета греческим судам заходить в порты Крита, изолируя полностью население острова, что неизбежно нанесло бы ущерб его торговле. Применение инструкций 1909 и 1911 гг. неприемлемо в новой обстановке, так как высадка морского десанта привела бы к восстанию критян [6. С. 484].

В связи с речью Венизелоса в парламенте С.Д. Сазонов телеграфировал А.П. Извольскому, что Россия не считает удобным пойти на предложение Англии запретить любой доступ на Крит греческим торговым судам. «На наш взгляд, — писал Сазонов, — нельзя совершенно запретить население острова, стесняя его даже в торговых и частных отношениях с Грецией, сближение с коей сами державы укрепляли долголетним режимом, так или иначе обособившим Крит от Турции. Решившись на участие в морской блокаде, мы не можем, однако, отнестись к этой мере с сочувствием». Демидов предвидел отчаянные действия критян против турок и держав. «Ни наша традиция, ни наше общественное мнение не позволяют нам во время предстоящей войны Турции с балканскими государствами прибегнуть к силе против христиан ради фикции турецкого суверенитета на Крите», — писал он [6. С. 447]. По мнению С.Д. Сазонова, «лучшим выходом из положения для держав-покровительниц Крита было бы, в случае заявления критян о присоединении к Греции и желании участвовать в войне, ответить заявлением, что они предоставляют остров его собственной судьбе, не отвечая за последствия» [6. С. 447]. Российские дипломаты отмечали общий патриотический порыв в Греции и на Крите, откуда шесть тысяч «критских милиционеров уже готовы присоединиться к греческим ратникам». Коромилас также сообщил российским дипломатам, что слухи о том, что державы готовы снова оккупировать Крит, может вызвать вооруженное сопротивление критян. Критяне же сообщили российскому генеральному консулу на Крите А.Ф. Шебунину «о полнейшей независимости в решении критского вопроса от держав-покровительниц» [6. С. 451]. Критская Палата официально утвердила закон о мобилизации.

1 (14) октября греки потребовали от Порты в 24 часа снять эмбарго с восьми задержанных греческих судов с русским грузом. На следующий день 2(15) октября турецкое правительство решило выпустить захваченные греческие суда, если они не направятся в греческие порты, а также все суда под российским флагом, за исключением направлявшихся в Грецию.

5(18) октября войну Турции объявили Болгария и Сербия, а на следующий день к ним присоединилась Греция. Союзные войска балканских стран в течение месяца разбили турецкую армию. Сербские войска вышли к Адриатическому морю, а болгарские — к Чаталджинским высотам, находившимся в 45 км от Константинополя. Захват Константинополя болгарам, казалось, был неминуем. 6(19) октября 1912 г. Министерство иностранных дел Греции отправило вербальную ноту Российской императорской миссии в Афинах, сообщавшую, «что главнокомандующий морскими силами королевства, находящимся под его начальством в Ионическом море [...], объявил морскую блокаду побережью Оттоманской империи от порта Гуменитса до входа в залив Арты, со всеми его портами, реками, гаванями рейдами и бухтами. Нейтральным суднам предоставлялся 24-х часовой срок, для свободного выхода из блокированных местностей (давались точные координаты). В отношении судов, которые сделают попытку нарушить блокаду, будут приниматься меры согласно международному праву и трактатам с нейтральными державами». Греки просили посланника донести это до российского правительства [9. Л. 83].

Греция категорически отказала России в ее просьбе не переносить военные действия на зону Проливов и вскоре превратила о. Лемнос вблизи Дарданелл в военно-морскую базу. Целью греков в Эгейском море было, кроме затруднения провоза турецких азиатских подкреплений, создание постоянной угрозы Проливам вплоть до их форсирования. Греки были недовольны, что эта просьба России «связывает их по рукам и ногам», и «не России надлежит сдерживать христианское движение против неверных», тем более что это вопрос нескольких дней, после чего Проливы будут открыты для России навсегда [2. Л. 194]. Не действовало на греков и предупреждение, что Россия и нейтральные страны, чьи торговые интересы могут пострадать от закрытия Проливов, могут изменить свое отношение к грекам. Попытки Австро-Венгрии и Италии отговорить Грецию от операций в Дарданеллах также не имели успеха [2. Л. 195].

К началу Первой балканской войны в Константинополе собралась внушительная международная эскадра (до 21 единицы) под общим командованием французского адмирала с официальной целью защиты европейских посольств от погромов. От России в Константинополе находились бронепалубный крейсер «Ростислав» (под командованием капитана 1-го ранга М.П. Саблина), крейсер «Кагул» (бывший крейсер «Очаков», переименованный в 1907 г.), а также канонерские лодки «Кубанец» и «Донец», пароход Добровольного флота «Саратов» и уже находившаяся в Константинополе в качестве стационара яхта «Колхида». Командующий морскими силами Черного моря адмирал Андрей Августович Эбергард сообщал Морскому министру России адмиралу И.К. Григоровичу, что «Кагул» стоит в Босфоре у Золотого рога, а «Ростислав» второй день находится «под парами». «Ждут известия послать. С командующим войсками сношения делается» [9. Л. 56]. Григорович просил ожидать распоряжений посла в Константинополе Гирса. 26 октября (8 ноября) в 1.30 ночи И.К. Григорович обратился к государю: «Всепоподданнейше испрашиваю соизволения Вашего императорского величества разрешить командующему силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры, когда в этом встретится надобность по требованию гофмейстера Гирса.

Мера эта вызывается желанием ускорить выполнение распоряжений, не ожидая сношений с Петербургом» [9. Л. 56].

Сразу после вступления Греции в войну Демидов писал, что отошедший на второй план критский вопрос вновь возник из-за объявления блокады Крита международными отрядами. Морской министр адмирал И.К. Григорович давал инструкцию находящемуся стационару на Крите: «Остров Крит должен быть изолирован от военных действий блокадой. Никакие нападения на его берега со стороны турок недопустимы. Частные пароходы пропускаются лишь после осмотра и после представления подписки о том, что они не повезут с острова милицию, за исполнением чего следует наблюдать. Организация блокады лежит на обязанности старшего командира международной эскадры, с которой нам следует согласоваться относительно нашего района действий. В случае надобности охранять жителей и порядок, можете высадить судовой десант» [9. Л. 18]. Но еще до начала военных действий в Афины прибыли более двух тысяч критских милиционеров при полном военном снаряжении и они уже были направлены на театр военных действий, к ним готовы были присоединиться еще четыре тысячи милиционеров. Демидов не располагал никакими сведениями об отряде международных сил на Крите, но писал, что «цель блокады не достигнута, так как присутствие усиленного отряда международных сил судов может лишь помешать дальнейшему отправлению людей на войну, но, главным образом, она должна обеспечить безопасность мусульманского населения Крита». «Во всяком случае возвращение к прежнему статусу кво Крита является едва ли желательным или даже возможным без крупных усилий и беспорядков», — писал Демидов. «Развертывающиеся ныне события представляют собой бесподобный [...] случай для своевременного установления державами-покровительницами согласованности действий в виду окончательного разрешения критской проблемы и присоединения острова к Греции» [2. Л. 198–199]. Временно командующий крейсером «Олег» капитан 1-го ранга Зеленецкий сообщал И.К. Григоровичу из Канеи: «Старший английский командир получил новую инструкцию о прекращении осмотра пароходов, могущих увезти с Крита милицию и о защите мусульман в случае крайней опасности и запросил меня о получении таковой же инструкции. Прошу указаний» [9. Л. 24].

21 октября (3 ноября) М.Н. Гирс передал в МИД России текст запоздалого султанского манифеста, в котором восхвалялась политика Турции в отношении христиан, что вызывало лишь недоумение — где же они были тридцать с лишним лет, когда Турция обязывалась осуществить реформы, указанные в берлинском трактате [6. С. 437]. Державы-покровительницы единодушно заявили о намерении не вмешиваться в дела Греции в отношении Турции. Попытки европейской, в том числе российской, дипломатии предотвратить военный конфликт на Балканах не увенчались успехом.

Большой проблемой стало начало Балканской войны для южнорусской торговли, особенно зерном, которой занимались греческие торговцы на греческих судах. Великие державы — Англия, Австро-Венгрия, Франция, Россия и Германия обратились через своих послов 29 октября (11 ноября) к султанскому правительству с просьбой пропустить в шестнадцатидневный срок греческие суда с грузом зерна, предназначенного для нейтральных портов. Османское правительство посчитало достаточной отсрочкой семь дней, в течение которых греческие суда могли пройти от одного военного поста в Проливах до другого у выхода [9. Л. 29].

Менее чем через месяц после начала военных действий против Турции 25 октября (7 ноября) 1912 г. греческая армия стояла у ворот Салоник — столицы Македонии, а после подписания Турцией капитуляции вошла в город. За три дня до этого исторического события С.Д. Сазонов телеграфировал морскому министру

И.К. Григоровичу, что по получаемым сведениям Англия, Австрия и Франция для охраны своих подданных в Салониках посылают по одному военному судну. Он просил дать распоряжение отправить туда же крейсер «Олег» и держать связь с российским послом в Константинополе и генеральными консулами в Салониках и Канеи [9. Л. 28]. Греческая королева Ольга, муж и дети которой находились на фронтах войны, писала в Петербург брату, великому князю Константину Константиновичу: «Вы, вероятно, все удивляетесь и любуетесь быстротой действий нашего войска и их храбростью. Они с самой Элассоны до Янины (где было большое сражение вчера) бьют турок и перед ничем не останавливаются. Никто, в сущности, такой храбрости не ожидал, и мы все в неописуемом восторге! Нам Господь Бог помогает и всем балканским православным народам (одни противные румыны смотрят, сложа руки, но они потомки римлян [...]). Это крестный поход! И как это все случилось неожиданно, негаданно нежданно, то, о чем я мечтала 45 лет, т.е. союз православных народов против ислама. И разве это не чудо Божие, как все сговорились и действуют заодно и как бьют турок повсюду, без единственной до сих пор неудачи. Помогите Бог выбросить этих извергов совсем вон из Европы, где присутствие их, срам и позор! Право, я не могу надивиться — вот 5 веков, что дипломатия не может решить Восточного вопроса — а балканские государства, соединившись, решили его в несколько недель! Европа разинула рот, и сама не понимает, что вдруг случилось и как это вековые задачи решаются без нее! Путала она, путала, да завязала такой гордиев узел, что его развязать стало немыслимо — а четыре народа, тайно сговорившись, взяли да разрубили его! Ура!» [10. С. 406—407].

Сокрушительное поражение османской армии поставило на повестку дня переосмотр Берлинского трактата 1878 г., в который были втянуты все подписавшие его в свое время страны. Турция обратилась к великим державам с просьбой о мирном посредничестве. Российское правительство приняло решение сдержать союзников Балканского блока от дальнейших действий. 8(21) декабря 1912 г. конференция послов великих европейских держав в Лондоне начала обсуждение балканского вопроса. Этим завершился начальный период Первой балканской войны, но не закончился балканский поединок в споре за Османское наследство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Jelavich B., Jelavich Ch.* The Establishment of the Balkan National States. Seattle, 1977; *Jelavich B.A.* Century of Russian Foreign Policy. Philadelphia; New York, 1964; *Hall R.C.* The Balkan Wars 1912–1913; Prelude to the First World War. London, 2000; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978; История Балкан. М., 2018. Т. 4; *Рыбаченко И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012; Модернизация vs. Война Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012; *Гусев Н.С.* Первая балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 330.
3. *Соколовская О.В.* Греция: становление европейского государства / История Балкан. М., 2017. Т. 4.
4. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1986.
5. *Соколовская О.В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг. М., 2013.
6. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1939. Серия. II. Т. 20. Ч. 2.
7. *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010.
8. *Рябинин А.* Малые войны первой половины XX в. Балканы. М., 2003.
9. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 4244.
10. *Соколовская О.В.* О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010.